

Банкетный зал был полон гостей, и когда Лу Тинфэн и Лу Тинхао, бережно поддерживая под руки, ввели в зал старшего дядю, за которым следовали их супруги, в зале воцарилась тишина: смолкли даже музыканты, и последний аккорд повис в воздухе дрожащей, незавершённой нотой. Все гости, словно по невидимой команде, поднялись с мест, и шорох десятков тел, отодвигающих стулья, прокатился по залу единой волной. Взгляды устремились к Лу Юйвэню, и в них читалось не просто уважение, а почти религиозное благоговение. Для клана Лу он был не просто старшим родственником, а фундаментом, на котором держалось благополучие всей семьи.

Пережитая госпитализация заставила Лу Юйвэня признать неизбежное: годы брали своё, движения стали тяжелее, каждый шаг отдавался лёгкой одышкой, а ноги казались налитыми свинцом. Врачи настаивали на долгом восстановлении, предупреждая, что прежняя форма вернётся лишь через месяцы покоя, если он перестанет взваливать на себя непосильный груз ответственности.

Опустившись во главу стола, он окинул взглядом собравшихся и произнёс краткую речь. Голос его звучал сухо, по-военному чётко, но в нём сквозила искренняя теплота. Пожелав всем здоровья и мира, он махнул рукой: садитесь, ешьте. Столы быстро заполнились блюдами, воздух наполнился пряными ароматами, звоном хрусталя и гулом голосов, и родственники принялись обмениваться новостями, смеяться, сплетничать. Воспользовавшись общей суматохой, несколько малышей, пахнущих карамелью и детской присыпкой, подбежали к Лу Юйвэню и, повиснув на его руках тёплыми, липкими от сладостей ладошками, наперебой рассказывали что-то забавное, пытаясь рассмешить строгого дядю, и он улыбнулся, и редкая, мягкая улыбка озарила его обычно суровое лицо, и он ласково погладил по голове самого младшего.

Вся его жизнь была отдана службе: он не женился, не завёл детей и никогда об этом не жалел, воспитывая племянников как собственных сыновей. Оба выросли достойными людьми, найдя своё призвание. Единственной тихой грустью дяди было отсутствие внуков: один племянник был женат, другой холост, и ему так и не довелось испытать радость общения с внучатыми племянниками.

Обводя взглядом зал, Лу Юйвэнь внезапно заметил пустующее место рядом с племянником и резко спросил:

— Где твоя жена?

Тот поднял голову, огляделся и нашёл Хэ Яна в самом дальнем, тёмном углу зала.

Хэ Ян сидел там один, чувствуя себя чужим среди родни. Здесь, в этом углу, было холоднее: сквозняк тянул из старой двери, и Хэ Ян поёживался, кутаясь в пиджак. Никто не обращал на него внимания, никто не заводил разговор, и только официант, проходя мимо, равнодушно скользнул по нему взглядом, словно по пустому стулу. Попытавшись угостить печеньем годовалого малыша на руках дальней родственницы, Хэ Ян наткнулся на холодный, презрительный взгляд женщины. Она демонстративно отодвинула ребёнка и натянуто, фальшиво улыбнулась.

Хэ Ян отдернул руку, и желание общаться исчезло мгновенно: он выпрямился, уставившись в пустоту, стараясь стать невидимым.

Лу Тинфэн, не произнеся ни слова, поднялся и широким шагом направился к мужу, игнорируя удивлённые взгляды гостей, решительно взял Хэ Яна за руку, его ладонь была горячей, сухой, с твёрдыми мозолями от рукояти, и повёл обратно к центральному столу, не говоря ни слова, но в этом молчании было больше властности, чем в любом приказе. Лу Вэньвэнь, наблюдавшая за этой сценой, прикусила язык: спорить с дядей, который явно принял сторону «высочки», было себе дороже. Кожа на запястье всё ещё горела в том месте, где только что сжимались пальцы Лу Тинфэна, и этот жар, казалось, пробирался глубже, под кожу, туда, где всё ещё жила надежда.

Вернувшись на место, Хэ Ян обнаружил, что ужин уже начался. Кухня семьи Лу славилась острыми, пряными блюдами, щедро сдобренными перцем и специями. Хэ Ян, не переносящий остроту, ограничился пресными овощами, прозрачным супом и рыбой на пару, сосредоточенно поглощая еду и избегая встречаться взглядом с мужем.

Лу Тинфэн, казалось, заметил его затруднение. Аккуратно очистив крупную креветку от перца, он положил её в тарелку Хэ Яна.

Хэ Ян сделал вид, что не заметил жеста. Он не притронулся к дару, продолжая молча есть свои простые блюда, всем своим видом демонстрируя холодное равнодушие. Но запах креветки — жареной, с лёгким ароматом чеснока и соевого соуса — плыл над тарелкой, и Хэ Ян чувствовал, как рот наполняется слюной, а желудок предательски сжимается от голода. «Нет. Не возьму. Не сейчас. Не после всего». Ему больше ничего не было нужно от этого человека.

Семейный ужин затянулся далеко за полночь: бесконечные тосты, подарки и разговоры утомили всех, и когда гости начали расходиться, Лу Юйвэнь издал короткий приказ: Хэ Ян остаётся ночевать в старом доме, а Лу Тинфэну запрещено покидать его ни на шаг в ближайшие дни. Это распоряжение было скорее наказанием для племянника, чем заботой о Хэ Яне, и Хэ Ян догадывался, что дядя провёл с Тинфэном серьёзную «воспитательную беседу». Вернувшись в комнату, он случайно увидел, как Лу Тинфэн снимает рубашку. На бледной спине мужа чётко проступали тёмные полосы, следы от ударов тростью, напоминающие свежие синяки.

«Дядя... ты был слишком строг. Слишком». Хэ Ян прикусил губу, чувствуя, как внутри поднимается волна непрошенной, горькой жалости. Не к мужу — к человеку, которого давно пора было перестать любить. «Значит, дядя всё знает. Обо всём. И о том, как ты меня выгнал, и о том, что я уехал, и... о ребёнке? Или нет?» Хэ Ян прижал ладонь к животу, чувствуя, как тревога сжимает грудь ледяным обручем.

Сердце Хэ Яна болезненно сжалось. Он хотел спросить, больно ли ему, предложить помощь, но Лу Тинфэн, не обернувшись, молча вышел и закрылся в своей спальне.

Даже находясь под одной крышей, они спали отдельно, и, не желая провоцировать новые

конфликты, Хэ Ян молча постелил одеяло на широком диване в гостиной и лёг, глядя в тёмный потолок. За окном шумел ветер, раскачивая голые ветки старого сада, и их тени, словно чьи-то длинные, костлявые пальцы, скользили по стене, то сжимаясь в кулак, то разжимаясь, будто пытаясь дотянуться до него сквозь стекло, но здесь, внутри, было тепло и почти безопасно. В последние дни он спал удивительно крепко — возможно, сказывалась накопившаяся усталость, а возможно, странное, необъяснимое чувство защищённости, возникшее в стенах этого огромного, чужого дома.

Лу Юйвэнь владел старинной усадьбой площадью в несколько сотен квадратных метров, но редко бывал там, предпочитая гостить у брата. Однако после выписки из больницы он вернулся именно в этот дом.

Едва войдя, он попросил Хэ Яна сварить лёгкую кашу. Хэ Ян молча кивнул и направился на кухню, пока дядя уводил остальных мужчин в кабинет для приватной беседы.

Оставшись один у плиты, Хэ Ян слушал тихое бульканье воды, мерное тиканье настенных часов и шёпот прислуги за спиной, неразборчивый, но явно о нём — как шуршание крыс в подполе, — и ощущал на себе пристальные взгляды. В последние дни слуги вели себя подчёркнуто вежливо, называя его «госпожой» и проявляя излишнюю услужливость, но Хэ Ян не был наивен: он помнил их прежние насмешки и презрительные улыбки. Эта внезапная перемена означала лишь одно: строгий приказ хозяина дома.

Впрочем, ему было всё равно. Дядя выздоровел, и теперь, независимо от исхода брака, Хэ Ян планировал уехать. Лучшим решением казалось временное расставание на два года, после которого можно было бы оформить развод официально.

Директриса приюта несколько раз звонила, и её голос в трубке, тёплый, чуть дребезжащий, был единственным звуком, от которого Хэ Яну становилось легче дышать. Он терпеливо успокаивал её, обещая скорое возвращение.

— Эй, Хэ Ян, тебе звонят! — раздражённо крикнула из гостиной Лу Вэньвэнь, когда он вышел из кухни.

Звонил Ли Гуанбинь. Он сообщил, что один из постоянных клиентов агентства снова приехал в Синфу и настойчиво просит Хэ Яна стать его гидом, обещая щедрые чаевые.

Агентство Ли Гуанбиня кардинально отличалось от крупных корпораций. Синфу стал туристическим центром всего несколько лет назад благодаря инициативе местного фабриканта, который, потерпев крах в бизнесе, решил развивать туризм. Не имея средств на масштабную рекламу, городок продвигался через «сарафанное радио» и скромные объявления. Гидами здесь работали не дипломированные специалисты, а местные жители, знавшие каждый уголок родного края. Их главным преимуществом было искреннее гостеприимство и знание истории. Если богатый турист хотел отблагодарить гида чаевыми — это считалось заслуженной наградой за честный труд, а не поводом для стыда.

<http://bllate.org/book/16098/1570956>